

Мужское и женское в звучащем ландшафте Арктики: комплекты подвесок на традиционной одежде нганасан

Оксана Эдуардовна Добжанская

(Арктический государственный институт культуры и искусств:
Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4)

Аннотация. В статье на примере культуры нганасан впервые рассматриваются обусловленные гендерными ролями типы акустического поведения. Противопоставление гендерных ролей мужчины (охотника, добытчика) и женщины (хозяйки жилища, очага) ярко воплощено в звуковых образах. Мужская одежда не содержит металлических позвонков: поскольку мужчина — охотник, звуки не должны выдавать его присутствие. Женская одежда, напротив, обильно снабжена металлическими деталями функционального, ритуального и эстетического назначения.

Автор подробно рассматривает металлические подвески на комплекте женской одежды. Как звучащие объекты они представляют различные виды фоноинструментов из класса идиофонов — «самозвучащих» (соударяемые пластинки и трубочки различной формы, колокола и бубенцы). Среди них язычковые колокольчики на праздничной одежде (под орнаментированными вертикальными полосами хенсу); металлические украшения на груди в виде полумесяцев, подвешенных в вертикальный ряд; трубочки-подвески на одежде; конусообразные трубочки, подвешиваемые на женской одежде и на одежде детей как оберег; кольца с нанизанными на них трубочками на женском комбинезоне.

Комплект звучащих подвесок-погремушек на женской упряжи оленей содержит несколько предметов специальной конструкции, с продетыми в отверстия кольцами и шумовыми подвесками, громко звенящими при движении упряжки.

На праздничной одежде и праздничной упряжи количество звучащих подвесок было значительно больше, чем на повседневной.

Металлические подвески являются обязательной частью женской одежды, их набор и обилие отражает социальный статус женщины и зависит от богатства семьи. Звучание металлических позвонков является оберегом, выполняет охранительную функцию.

Противопоставление звуковых образов мужчины и женщины, воплощенное в звучании/беззвучии одежды, отражает противопоставление гендерных ролей мужчины (бесшумного охотника) и женщины (субъекта, связанного с ритуальным звуковым поведением). Результаты данной статьи важны для изучения звучащего ландшафта Арктики с точки зрения интердисциплинарных исследований.

Ключевые слова: нганасаны, звучащий ландшафт Арктики, фоноинструменты, гендерное акустическое поведение, традиционная музыкальная культура.

Дата поступления статьи: 10 февраля 2023 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Добжанская О.Э. Мужское и женское в звучащем ландшафте Арктики: комплекты подвесок на традиционной одежде нганасан // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 21–30.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.002>

Традиционная одежда народов Арктики — сложный культурный комплекс, который исследователю необходимо рассматривать с учетом знаний о бытовой материальной культуре, ритуалах, искусстве. Как неотъемлемая часть материальной культуры народа, она является объектом изучения этнологии, как проявление декоративно-прикладного искусства — объектом искусствоведения. В данной статье предпринимается попытка изучить комплекты подвесок на традиционной одежде с точки зрения их звуковой функции в культуре, таким образом, одежда становится объектом изучения музыковедения.

Автора статьи интересуют различия в комплектах подвесок на женской, мужской одежде нганасан, которые обусловлены гендерными ролями в обществе. В частности, будет показано различие в звуковых образах мужчины и женщины, которое проистекает из их противоположных социальных/гендерных ролей.

Имеющиеся этнографические описания традиционной одежды нганасан содержат некоторые упоминания о звучащих подвесках на одежде, в особенности обрядовой. В частности, праздничную одежду с металлическими подвесками на них описывала Г. Н. Грачева [Грачева 1983, 79–84], комплекс шаманского костюма с ритуальными подвесками и женский комбинезон полно описаны А. А. Поповым [Попов 1936, 19–27; Попов 1984, 116–143], сведения об эволюции одежды нганасан имеются в работе Ю. Б. Симченко [Симченко 1976, 180–181]. Вместе с тем в этнографической литературе при описании повседневной одежды нганасан позвонки упоминаются эпизодически, не говоря уже о том, что нет специальных исследований, посвященных данной теме. Это подчеркивает актуальность избранного аспекта. В качестве фоноинструментов подвески-погремушки на одежде нганасан были кратко упомянуты в статье «Система традиционных звуковых инструментов нганасан» [Добжанская 2014], первые подходы к рассмотрению гендерных отличий позвонков были произведены в докладе «Звучащие подвески на одежде нганасан: гендерный аспект» [Добжанская 2022]. При подготовке данной статьи использованы полевые материалы автора (интервью с Викторией Сайбовной Момде, 2021 г.) [ПМА 2021],

каталог национальной одежды Таймырского краеведческого музея [Симанкова 2006], каталог коллекции Музея Олега Крашевского [Крашевский 2010].

Идеи данной статьи на новых материалах продолжают развивать концепцию звучащего ландшафта Арктики (Arctic Sounds Landscape), созданную в ходе работы лаборатории комплексных геокультурных исследований Арктики (руководитель лаборатории Дмитрий Николаевич Замятин) и получившую освещение в ряде публикаций [Шейкин и др. 2016]. Важную роль в концепции звучащего ландшафта Арктики играет изучение фоноинструментов, при помощи которых человек коммуницирует с природой (манки на животных, обрядовые фоноинструменты для вызывания ветра и др.), а также являет собой звуковой образ в окружающем ландшафте. Фоноинструменты составляют третий слой звучащего ландшафта Арктики, который зафиксирован в материальных объектах, благодаря чему в культуре возникает особая материальная среда [Там же, 32].

Фоноинструменты народов Арктики требуют к себе пристального внимания исследователей. Ю. И. Шейкин рассматривает фоноинструменты с точки зрения процесса эволюции овеществленных акустических возможностей народов Сибири. По мнению исследователя, присутствие фоноинструментов во всех сферах интонационно-акустического выражения этноса (сигнальной, песенной, эпической, обрядовой, танцевальной) не является случайным. Через фоноинструменты реализуется механизм «материализации» интонационного мышления этноса, формируется этнический интонационно-акустический звукоидеал, а звуковые нормы поведения приобретают «традиционную» форму [Шейкин 2002, 36–38].

Противопоставление гендерных ролей мужчины (охотника, добытчика) и женщины (хозяйки жилища, очага) ярко воплощено в звуковых образах. Мужская одежда не содержит металлических позвонков: поскольку мужчина — охотник, звуки не должны выдавать его присутствие. Женская одежда, напротив, обильно снабжена металлическими деталями функционального, ритуального, эстетического назначения. Поэтому движения женщины, как правило, сопровождалась позвякиваниями многочисленных подвесок.

Фото 1. Мужская парка, вид сзади [Крашевский 2010, 27]

Photo 1. Men's parka, rear view [Krashevskii 2010, 27]

Фото 2. Пояс охотничий мужской [Крашевский 2010, 108]

Photo 2. Men's hunting belt [Krashevskii 2010, 108]

В качестве образца верхней мужской одежды можно привести пример неразрезной парки с капюшоном *лу* (фото 1), которая надевается через голову. Одежда богато орнаментирована. На шее сзади, под капюшоном, нашит индивидуальный оберег (кисти с бахромой из оленьей замши, с красными и черными полосками). Спину украшают длинные ленты из оленьей кожи, разрисованные цветными полосками, они выполняют знаковую функцию. Необходимые охотнику предметы — пороховница, мерка для пороха, пистонница и др. — закреплялись на ремennom охотничьем поясе *натруска*. Они изготавливались из таких материалов, как дерево, рог оленя, кожа, поэтому охотничье снаряжение не издавало шума (фото 2). Мужские курительные принадлежности (кисет, трубка) изготавливались из кости, рога, кожи без применения металла, охотничий нож всегда помещался в кожаные или деревянные ножны. Таким образом, костюм позволял охотнику двигаться практически бесшумно.

Женская одежда, в состав которой входят нижнее комбинэ *хониэ* (в котором женщина находится внутри жилища) и верхняя распашная шуба *лу* (одевается при выходе из жилища), снабжена многочисленными подвесками из металла. Как звучащие объекты, они представляют различные виды фоноинструментов из класса идиофонов — «самозвучащих» (соударяемые пластинки и трубочки различной формы, колокола и бубенцы). Рассмотрим их подробнее, указывая индексацию

фоноинструментов согласно систематике Э. фон Хорнбостеля и К. Закса [Хорнбостель, Закс 1987].

Больше всего металлических позвонков на женской одежде помещались на нижнем комбинезоне — традиционной женской одежде из оленьей замши, — который Ю. Б. Симченко рассматривает как одежду женщины-матери [Симченко 1976, 181]. Приведем описание представленных на фото 3 металлических подвесок. На груди на ремешках из кожи подвешены пять дугообразных орнаментированных медных пластинок *бадямуо*. На каждой штанине расположены по семь медных трубочек с кольцами *дябтузэ*, сверху и снизу соединенные вместе кожаными лентами. Справа от *бадямуо* на большом медном кольце подвешен кожаный кисет для табака, раскрашенный в черный и красный цвета, украшенный пуговицей и шумящими подвесками (металлическими монетами, бусами и др.). Рядом с кисетом на кованых цепочках подвешены стальное кресало *туй* и прочистка *кингаа* для курительной трубки. Слева к концу подвязан игольник *неймысы* из желтой меди, на концах ремешков игольника привязаны бронзовые подвески с солярными знаками. В комментариях к данному комбинезону собиратель коллекции указывает: «Все металлические подвески на комбинэ (цепи с кресалом и прочисткой, бодямо, игольник и пр.) были шумящими и при движении издавали характерные звуки. У каждой женщины было неповторимое сочетание издаваемых подвесками

Фото 3. Женский комбинезон зимний [Крашевский 2010, 51]

Photo 3. Women's winter jumpsuit [Krashevskii 2010, 51]

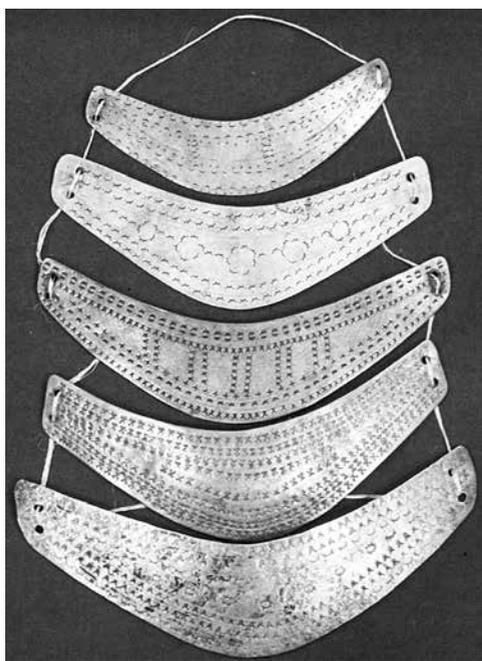

Фото 4. Подвески луновидные *bad'amu* [Крашевский 2010, 57]

Photo 4. Moon-shaped pendants *badyamu* [Krashevskii 2010, 57]

звучков, что считалось красивым и обязательным для женщины. Это комбинезо шито по всем традиционным канонам, очень богато украшено. Судя по качеству окрашенности и размерам металлических подвесок, оно принадлежало богатой уважаемой старухе-нганасанке» [Крашевский 2010, 50].

Все описанные здесь фоноинструменты — идиофоны, по которым ударяют опосредованно (согласно Систематике музыкальных инструментов Э. фон Хорнбостеля и К. Закса, данные фоноинструменты составляют класс 112). Шнуровые погремушки: нанизанные на шнур самозвучающие тела (индекс 112.111). Подвески-погремушки: висящие свободно на рамке самозвучающие тела (индекс 112.121), в нашем случае — рамка кольцеобразной формы [Хорнбостель, Закс 1987, 241].

Металлические украшения *bad'amu* на груди в виде полумесяцев, подвешенные в вертикальный ряд, можно отнести к разряду шнуровых погремушек (112.111); трубочки-подвески *hoṅa* также относятся к шнуровым погремушкам (112.111); конусообразные трубочки *bydylaṅ*, подвешиваемые на женской одежде и на одежде детей как оберег, относятся к разряду подвесок-погремушек (112.121); нашитые на женский комбинезон кольца (*ла*) с нанизанными на них трубочками *дябтузэ* также относятся к подвескам-погремушкам (112.121) [Добжанская 2014, 66].

Хотелось бы добавить информацию о подвесках, функциональное назначение которых не очевидно и требует разъяснения.

Расположенные на груди металлические украшения в форме полумесяцев *bad'amu* (фото 4), как считает Ю. Б. Симченко, эволюционировали из мужских военных доспехов: «Согласно фольклорным данным, на мужском нагруднике нашлись костяные пластины — соди. Считается, что соди в наше время переродились в *bad'amu* — нагрудные полулунные украшения на женских комбинезонах. По объяснению нганасанских информаторов, мужские соди были средством защиты — костяным панцирем. У женщин же они играли роль отличительных знаков, свидетельствующих о половой зрелости. У девочек, не достигших половой зрелости, *bad'amu* было больше по числу. Нагрудник с *bad'amu* опускался до колен.

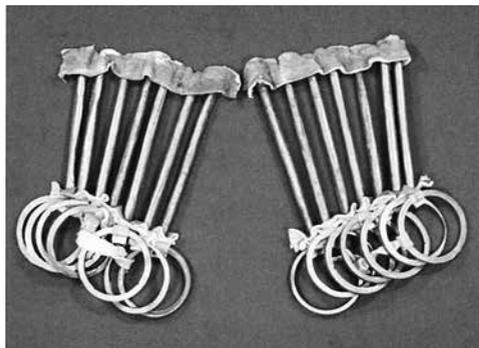

Фото 5. Подвески *дыбтузэ* [Крашевский 2010, 63]
 Photo 5. *Dyabtuze* pendants [Krashevskii 2010, 63]

Фото 6. Декоративные полосы *хенсу* с колокольчиками *саңку* [Крашевский 2010, 42]
 Photo 6. Decorative stripes *hensu* with little *sanku* bells [Krashevskii 2010, 42]

Этим символизировалась защита от возможных попыток к половым сношениям с еще не созревшими девочками. С наступлением зрелости количество бодямо уменьшалось. Они должны были располагаться от горла до живота, оставляя ноги неприкрытыми» [Симченко 1976, 181].

Нашитые на передней стороне бедер *дыбтузэ* (фото 5), помимо функции оберега, использовались как упор при переноске грузов, упор для кроильной доски при шитье, разделочной доски при готовке пищи. Они имели и эстетическое значение, прикрывая и не позволяя продемонстрировать обтянутые шкурой женские ноги [Крашевский 2010, 50].

На праздничной одежде женщины спереди симметрично нашивались две орнаментированные вертикальные полосы *хенсу* (множ. число *хендю*), каждая из которых заканчивалась язычковым колокольчиком *саңку* (фото 6). При передвижении женщины колокольчики звенели. Как фоноинструмент *саңку* имеет индекс 111.242.122 — малые колокольчики на праздничной одежде. Праздничная или танцевальная одежда *тосода лу* (одежда из шкурок пыжиков) описана Г.Н. Грачевой, которая отмечает, что к *хенсу* «внизу пришивали колокольчик или иную медную подвеску» [Грачева 1983, 79]. Праздничная женская одежда дополнялась поясом со звенящими подвесками [Крашевский 2010, 45–47], наголовным украшением со металлическими деталями [Там же, 79–83].

Отмеченное нами противопоставление женской и мужской одежды как противоположных типов акустического поведения можно дополнить рассмотрением упряжи для оленей. Мужская упряжь является строго функциональной, в ней отсутствуют шумящие детали. Упряжь для оленей в женской нарте обладает подчеркнутой акустической функцией (ее детали изготовлены из металла и дополнены гремящими подвешенными колечками).

Наибольшее акустическое значение имел комплект *быны-бабэ* (букв. веревки место) из металлической пластины птицеподобной формы, напоминающей очертания гагары, с протетыми в отверстия кольца и шумовыми подвесками, его закрепляли на боку оленя, и он громко звенел при движении упряжки (фото 7) [Там же, 152–159]. Дужка, к которой привязывали пристяжного оленя на женской ездовой упряжке, также была металлической (железо, бронза), она крепилась с правой стороны на широком кожаном поясе, охватывавшем грудь передового оленя (фото 8). Все представленные на фотографиях дужки снабжены кольцами,

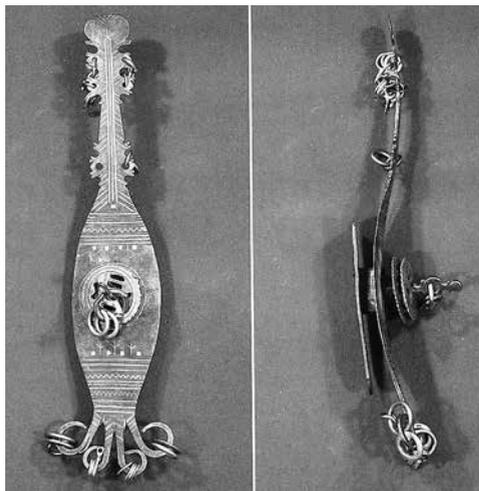

Фото 7. Металлическая деталь оленьей упряжи *быны-бэбэ* [Крашевский 2010, 155]

Photo 7. A metal part of the reindeer harness *byny bebe* [Krashevskii 2010, 155]

Фото 8. Металлическая деталь женской оленьей упряжи [Крашевский 2010, 159]

Photo 8. A metal part of a female reindeer harness [Krashevskii 2010, 159]

имеющими акустическое значение. В качестве фоноинструментов указанные детали женской упряжи можно классифицировать как соударяющиеся подвески-погремушки (индекс 112.121).

Твердые элементы оленьей упряжи для мужской нарты обычно выполнялись из кости — бивня мамонта. В частности, деталь для удержания вожжи на боку оленя, аналогичная женской *быны-бэбэ*, изготавливалась из бивня мамонта и при поездке не издавала никаких шумов [Крашевский 2010, 161–164]. Пуговицы различных типов для упряжи тоже выполнялись из бивня мамонта [Там же, 168].

Этнографы отмечают, что большое количество металлических позвонков присутствует на ритуальной одежде — той, которую надевали на праздник *Аны’о-дялы*

(Большой день), танцевальной и погребальной. Г.Н. Грачева описывает сшитую из сукна погребальную одежду *тангакалу* (суконная одежда) или *латуся лу* (приготовленная одежда) без опознавательных орнаментов, украшенную полосками хендю и многочисленными подвесками из металла: «К спинке женской парки поперек также пришивали хендю, одну или две полосы, к которым прикрепляли круглые медные подвески (*дялы* ‘день’, ‘свет’) со штампованным орнаментом. Они были главными. Кроме них могли прикрепить *кубыны* любой формы, вплоть до металлической пряжки. Чем больше металла на спинке женской парки, “тем светлее» [Грачева 1983, 80]. Этнограф настаивает на автохтонном происхождении данных ритуалов и придает особое значение тому, что подвески для погребальных обрядов были местного происхождения: «Металлические подвески, по-видимому, издавна известны у нганасан, так как их предки на территории Таймыра знали плавку металла и изделия из самородной меди, встречающейся в районе современного Норильска» [Там же, 80]. Ю.Б. Симченко отмечает, что на мужской танцевальной и погребальной одежде имелись металлические украшения [Симченко 1976, 180].

Судя по подвескам, женщина в ее повседневной одежде больше связана с ритуалом, нежели мужчина. Это проявляется в наличии на комбинезоне не только функциональных предметов для обращения с огнем (кресало, огниво), но и металлических подвесок (колец с нанизанными на них комплексами прямых трубочек *дябтузз*, конусообразных трубочек *быдылац*), имеющих ритуально-декоративное значение. Подвески постоянно звенели при перемещении женщины внутри чума и при выходе наружу (за дровами, водой и т.д.). Охранительная функция, выявленная Ю.Б. Симченко в комплексе нагрудных украшений *бадямуо*, на наш взгляд, связана с отношением к металлу как «чистому», «светлому» материалу, имеющему сакральное значение. Хотелось бы напомнить рассуждение Г.Н. Грачевой о металлических украшениях для волос *кубыны*, этимологию данного названия исследователь выводит от слова *коубыны* (солнце-, ухо-, лось-веревка (вожжа)) [Грачева 1983, 41]. Так старые нганасанки называли ряд предметов — металлические погребальные

подвески, подвески на шейном украшении, круглые диски и шестеренки часов, блестящие пряжки современных мужских поясов и другие, — объединяющим признаком которых был блеск. «Возникает предположение, что в прошлом думали о блестящем металле, который как бы притягивал лучи-веревки солнца, укрепляя жизнь человека» [Грачева 1983, 44] и служил воплощением представлений об Олене-солнце у древнейших охотничьих племен Сибири.

Металлические подвески являются обязательной частью женской одежды, их набор и обилие отражает социальный статус женщины и зависит от богатства семьи, так как металл был дорогим и не всем доступным материалом. Однако в рамках данной статьи необходимо высказать предположение, что оберегом является не только материал, но и звучание металлических позвонков, выполняющее охранительную функцию.

И еще одна — эстетическая — функция связана со звучанием металлических подвесок. По нашему мнению, звон в значении «звучание» необходимо рассматривать как атрибут красоты. Красивой девушкой считается та, одежда которой украшена многочисленными металлическими подвесками *баса*, звенящими при ходьбе. Украшенная *баса* одежда — принадлежность богатой женщины, а металлические подвески есть только на богатой упряжи. Поэтому звон в данном случае атрибут не только красоты, но и богатства. Вероятно, красота и достаток имеют общее происхождение (они воплощают две стороны совершенства-гармонии, в противовес ущербности, связанной с бедностью или физическим увечьем) и в традиционном сознании связаны друг с другом.

Металлические подвески присутствовали также на детской одежде, на которую нашивали колокольчики *санку*, трубочки *быдылап*. Здесь позвонки выполняли сигнальную функцию, по их звукам можно было узнать о местонахождении ребенка.

В связи с изготовлением звучащих подвесок с помощью ручного труда можно говорить о персонализации звуковых манифестаций. Она достигалась благодаря тому, что все делалось кустарно, ручным способом, из различных материалов, поэтому не было одинаковых по звуку колокольчиков или подвесок. Информанты отмечают, что по звучанию можно было

отличить конкретного человека, например, женщину или ребенка.

Для жителей Арктики, в частности Таймыра, слуховая информация играет огромную роль. Рассмотрение информативной роли звуковых манифестаций хотелось бы начать с высказывания Ю.И. Шейкина: «Арктика — один из самых тихих уголков на земле, который настроен на интонационное понимание природы» [Шейкин и др. 2016, 31].

Находясь внутри жилища, человек может прекрасно «видеть» то, что находится снаружи: приближающийся санный поезд, летящих птиц, идущую за дровами женщину, играющих детей. Эти любопытные ситуации, когда звуки «рождают» зрительные образы (а не наоборот), зафиксированы в опубликованных фольклорных текстах, полевых материалах автора. Например, в сказках часто описывается, как человек, находясь внутри жилища (сидя в чуме, яранге и т.д.), слышит отдаленные звуки и «видит» то, что происходит снаружи. Обратимся к публикациям мифологических рассказов Б.О. Долгих. Например, в записанном Б.О. Долгих в 1930-е гг. нганасанском мифе про Дёйба-нго говорится: «Вроде как уснул он. Потом услышал, будто какой-то шум идет. Кажется, будто колокольчики звенят, такой шум идет. Он проснулся, встал. Правда, аргиш идет» [Долгих 1976, 48]. Сперва до человека доносится звуковая информация о приближении санного поезда, и лишь потом аргиш становится виден вышедшему из чума человеку.

Важную информацию на эту тему содержит интервью с В.С. Момде, записанное в июле 2021 г. [ПМА 2021]. Виктория Сайбовна Момде (1967 г.р.) родилась в поселке Новая (территория сельского поселения Хатанга) в семье вадеевских нганасан-оленевонов, получила педагогическое образование в ЛГПИ им. А.И. Герцена, является автором учебных пособий по нганасанскому языку для школьников, работает в Таймырском колледже. Приведем отрывок из беседы автора статьи с В.С. Момде, в котором иллюстрируются некоторые идеи данной статьи:

«ВС: Когда упряжка идет — всех слышишь. У кого-то висит колокольчик, у кого-то нет. “Ой, папа идет”, — радуемся.

ОЭ: Про подвески на упряжи, которые на боку оленя (гугарки), расскажите. У кого-то есть они, а у кого-то нет?»

ВС: От благосостояния это зависит. У кого-то побогаче упряжь — звон идет, а у кого-то звона нету никакого.

ОЭ: На детскую одежду пришивали колокольчики? И на женскую одежду... По звуку могли отличить, когда ребенок идет? Или когда бабушка?

ВС: Колокольчики, они все разные на одежде. Не было магазинов, где можно купить. И это все мастерили наши прадеды, дедушки наши, бабушки. Одинакового колокольчика не было, как и одинакового звука. Это же все ручная работа, невозможно сделать руками что-то одинаковое... что-то короче будет — звук уже другой. Что-то толще... не знаю, металл или что-то там. Разные звуки у колокольчиков. И разный материал: внутри где-то там солдатская пуговица, где-то гвоздик маленький там закреплён... вот они издают разные звуки.

ОЭ: А зачем ребенку подвешивали колокольчик?

ВС: Чтобы знать, где он находится, я так думаю... когда мы в детстве играли — всегда мама знала, в какой стороне

мы, в... окно <балка> высунется и крикнет: "Идите домой!" С какой стороны мы находимся, она знает...» [ПМА 2021].

В холодном морозном воздухе звук распространяется на многие километры, а его громкость многократно возрастает. О приближении санного поезда сигнализирует звон позвонков на оленьей упряжи уже тогда, когда аргиша еще не видно. Голоса перелетных птиц слышат охотники, собираясь на промысел. Ботало-позвонок на шее оленя сообщает оленеводу о местонахождении стада. Перезвон подвесок на одежде идущей женщины, звон колокольчика бегущего ребенка органично вписываются в звучащий ландшафт Арктики, дополняя человеческими смыслами звучащий универсум Севера.

Выявленные оппозиционные типы звукового поведения, присущие гендерным ролям мужчины и женщины, позволяют выстроить новые методики для изучения звучащего ландшафта Арктики с помощью междисциплинарных методов исследования.

Источники и материалы

Долгих 1976 — Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Зап. и подгот. текстов, введение и коммент. Б. О. Долгих. М.: Гл. ред. вост. лит.-ры изд-ва «Наука», 1976.

Крашевский 2010 — Нганасаны. Культура народа в атрибутах повседневности: Каталог Этнографического музея на озере Лама / Текст О. Р. Крашевский. Норильск: АПЕКС, 2010.

ПМА 2021 — Полевые материалы автора. Аудиозапись интервью с В. С. Момде. Записано 16.07.2021, Таймырский колледж, г. Дудинка, Таймырский Долгано-Ненецкий р-н Красноярского края.

Попов 1936 — Попов А. А. Тавгийцы: Матер. по этнографии авамских и вадеевских тавгийцев // Труды Института этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.

Попов 1984 — Попов А. А. Нганасаны: Социальное устройство и верования / Отв. ред. Г. Н. Грачева, Ч. М. Таксами. Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1984.

Симанкова 2006 — Нганасаны // Традиционная одежда коренных народов Таймыра: Каталог коллекций музея / Сост. Л. А. Симанкова; Таймырский окружной краеведческий музей. Вып. 1. Дудинка, 2006. С. 6–24.

Хорнбостель, Закс 1987 — Хорнбостель Э. М., Закс К. Систематика музыкальных инструментов // Народные музыкальные

инструменты и инструментальная музыка. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1987. С. 229–261.

Исследования

Грачева 1983 — Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра: (на материалах нганасан XIX — начала XX в.). Л.: Наука. Ленингр. отд.-ние, 1983.

Добжанская 2014 — Добжанская О. Э. Система традиционных звуковых инструментов нганасан // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 64–70.

Добжанская 2022 — Добжанская О. Э. Звучащие подвески на одежде нганасан: гендерный аспект // Арктика: гуманитарные векторы развития: Тез. Междунар. конф. М.: МГЛУ, 2022. С. 189–190.

Симченко 1976 — Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976.

Шейкин 2002 — Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002.

Шейкин и др. 2016 — Шейкин Ю. И., Добжанская О. Э., Никифорова В. С. Звучащие ландшафты Арктики // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 30–44.

© О. Э. Добжанская, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Добжанская О.Э. <https://orcid.org/0000-0002-9435-0882>

Доктор искусствоведения, доцент кафедры культурологии и искусства, профессор кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусства: Российская Федерация, 677000, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4; тел.: +7 (4112) 34-44-60; e-mail: dobzhanskaya@list.ru

Male and Female in the Soundscape of the Arctic: Pendants on Traditional Nganasan Clothing

Oksana E. Dobzhanskaya

(Arctic State Institute of Culture and Arts:

4, Ordzhonikidze str., Yakutsk, 677000, Russian Federation)

Summary. *In this article, the types of acoustic behavior conditioned by gender roles are considered for the first time, based on the example of Nganasan culture. The juxtaposition of gendered male roles (as a hunter and breadwinner) and female ones (as homemaker and mistress of the house) is vividly embodied in sound images. Men's clothing does not contain resonant metal (such as little bells): since men are hunters, sounds would betray their presence to animals. Women's clothing, in contrast, is abundantly adorned with metal parts for functional, ritual and aesthetic purposes.*

The author examines in detail the metal pendants on women's clothing. As noise-making objects, they represent various types of sonic instruments from the class of idiophones called "self-sounding" (that includes colliding plates and tubes of various shapes, large and small bells). Among these are: bells with tongues on festive clothes (under ornamented vertical stripes of hen-su); metal ornaments in the form of crescents suspended on the chest in a vertical row; tube-pendants on clothes; cone-shaped tubes decorating women's clothing, and put on children's clothes as a protective charm; and rings with tubes strung on them on a women's jumpsuit.

The sounding pendants that jangle on a female reindeer's harness contain several items of special design, with rings threaded into holes and suspended noise-makers that sound loudly when the team moves. On festive clothes and harnesses, the number of sounding pendants is significantly greater than on everyday ones. Metal pendants are an obligatory part of women's clothing whose type and abundance reflects a woman's social status and reflects the wealth of the family. The sound of metal noise-making objects also serves as a talisman that performs a protective function.

The results of this article are important for studying the soundscape of the Arctic from the point of view of interdisciplinary research.

Key words: *Nganasans, Arctic soundscape, sonic instruments, gender acoustic behavior, traditional musical culture.*

Received: February 10, 2023.

Date of publication: March 25, 2023.

For citation: Dobzhanskaya O.E. (2023) Muzhskoe i zhenskoe v zvuchashchem landshafte Arktiki: komplekty podvesok na traditsionnoi odezhde nganasan [Male and Female in the Soundscape of the Arctic: Pendants on Traditional Nganasan Clothing]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 21–30. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.002>

References

Dobzhanskaya O.E. (2014) Sistema traditsionnykh zvukovykh instrumentov nganasan [The System of Traditional Nganasan Musical Instruments]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2014. No. 4. Pp. 64–70. In Russian.

Dobzhanskaya O.E. (2022) Zvuchashchie podveski na odezhde nganasan: gendernyi aspekt [Sounding Pendants on Nganasan Clothes: The Gender Aspect]. In: Arktika: gumanitarnye vektory razvitiya [The Arctic: Humanitarian Vectors of Development]: Theses of the Intern. Conf. Ed.

by S. G. Vanyashkin, E. V. Vorobyeva. Moscow: MGLU. Pp. 189–190. In Russian.

Gracheva G. N. (1983) Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taimyra (na materialakh nganasan XIX — nachala XX v.) [The Traditional Worldview of Taimyr Hunters (Based on Nganasan Materials of the Nineteenth — Early Twentieth Century)]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Sheikin Yu. I. (2002) Istoriya muzykal'noi kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie [The History of Musical Culture of Siberian Peoples: Comparative Historical Research]. Moscow: Vostochnaya literatura. In Russian.

Sheikin Yu. I., Dobzhanskaya O. E., Nikiforova V. S. (2016) Zvuchashchie landschafty Arktiki [Soundscapes of the Arctic]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2016. No. 4. Pp. 30–44. In Russian.

Simchenko Yu. B. (1976) Kul'tura okhotnikov na olenei Severnoi Evrazii. Etnograficheskaya rekonstruktsiya [The Culture of Reindeer Hunters of North Eurasia: Ethnological Reconstruction]. Moscow: Nauka. In Russian.

© O. E. Dobzhanskaya, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Oksana E. Dobzhanskaya <https://orcid.org/0000-0002-9435-0882>

E-mail: dobzhanskaya@list.ru

Tel.: +7 (4112) 34-44-60

4, Ordzhonikidze str., Yakutsk, 677000, Russian Federation

DSc in Arts, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Art; Professor, Department of Art History, Arctic State Institute of Culture and Arts

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)